

I.

Старый парк Института мозга и условных рефлексов шумел глухо и неприветливо. Ветер кружил среди деревьев, метался по аллее и заставлял Шлезингера сутулить плечи. Листья падали в темноту и шуршали у него под ногами, как воспоминание о прошедшем...

Было около часа ночи, но в Институте все еще шла работа. Светилась лаборатория Хейфитца, горели зеленым окна в кабинете директора Института Шваббе. А на самом верху, под крышей, щурились в темноту четыре продолговатых окна комнаты ассистентов... Шлезингер наверняка знал, что директор готовит речь к завтрашнему заседанию, на котором ему, Отто Шлезингеру, придется играть главную роль. Хейфитц бьется над проблемами подсознания, а в ассистентской Палески и Теодор изучают энцефалограммы орангутанга Икара. Наверно, запустили работу за несколько дней и теперь нагоняют упущенное, иначе Теодор, зять Шлезингера, давно был бы у себя дома.

В Институт можно прийти в любой час дня и ночи. Таков порядок. Шлезингер тоже любил работать ночами. Но сейчас он в Институт не войдет,— пока не погас

ТЫСЯЧУ РАЗ РОЖДЕННЫЙ

нут окна в директорском кабинете. Это задержка. Очень досадная и ненужная. Она не повлияет на решение Шлезингера. Но пока Шваббе не уедет домой, Шлезингер не поднимется на ступеньки подъезда. Нет, он не боится директора. Он никого не боится. Но сейчас ему надо побыть одному.

Свернув в боковую аллею, Шлезингер идет прочь от здания Института. Маленькие ладошки листьев, заолодевшие на ветру, касаются его лба и щек. Может быть, они успокаивают его? Может, хотя бы погреться от человеческого дыхания? Ах, если бы хоть немножко тепла этому холодному, холодному миру!

Как всякий добропорядочный немец, Шлезингер был немного сентиментален и, как современник нашего века, презирал в себе эту сентиментальность. Так, он видел, делают все. Среди счетных машин, среди жестких, как приводные ремни, перфокарт сентиментальность и гуманность были не по времени старомодны. Те, кто умел подавлять их в себе (впрочем, подозревал Шлезингер, не до конца), становились такими, как Шваббе. Для них не было нерешенных вопросов, мир они видели в двух тонах,

как черно-белую фотографию. Может быть, так в жизни проще, покладистой? Может быть... Но Шлезингер в Институт не пойдет, пока в здании не погаснут три зеленых окна.

Открытие Шлезингер сделал случайно. В любой пачке приходивших из лаборатории энцефалограмм одна или две бывали с нечеткой линией. К этому в Институте привыкли, размытый контур относили на счет помех или несовершенства аппаратуры. Как ни были хороши приборы, дело приходилось иметь с еще более тонким предметом — мозгом. Энцефалограммы с размытой линией шли беспощадно в брак. Никому не приходило в голову связать нечеткие линии с биологической основой эксперимента. Например, с тем, что на поток электронов, поданных в мозг по проводу, наслаивается природный электрический ток, и если частота искусственного тока не совпадала с природным, линии энцефалограмм

5

получались размытыми. Никто не обращал внимания на магнитное поле, вызываемое природными токами, хотя обнаружить и измерить его не составляло труда... Открытие тогда, собственно, становится открытием, когда в примелькавшемся и обычном находишь вдруг необычное. Уверившись, что размытые линии получаются от наслаивания на искусственный ток природного тока, найдя и вычислив контур магнитного поля, Шлезингер задумался: что могут означать эти природные токи? После многочисленных опытов, расчетов и бессонных ночей он пришел к выводу, что токи, искажавшие энцефалограммы, появлялись тогда, когда подопытный вспоминал что-то, — характеризовали процесс вспоминания.

Это было нечто большее, чем простой теоретический вывод. Проблему Шлезингер увидел в другом аспекте. Что будет, говорил он себе, если действие опыта направить обратным ходом: через магнитное поле возбудить природные токи мозга, усилить их?.. Улучшится

процесс вспоминания, память? Мозг, рассуждал Шлезингер, является вместительным хранилищем информации. Все, что нами увидено, пережито, отлагается в клетках памяти, в неисчислимых кладовых, где хранится до той поры, пока нам не заблагорассудится о нем вспомнить. А если вспоминать необходимости нет? Информация все равно остается в дремлющих клетках. Но тут возникает вопрос: не отрицаем ли мы процесс забывания? Нисколько не отрицаем. Абсолютного забывания быть не может. Оно так же противоречит природе, как материя без движения или как нарушение закона о переходе одного вида энергии в другой вид... То, что мы считаем забытым, дремлет в мозгу, и порой требуются большие усилия, чтобы разбудить его в нужный момент. Хорошо это или плохо — другое дело. Природа решила, что каждую мелочь из пережитого не стоит держать на переднем плане. Может быть, на других планетах... Но то — на других планетах! А у нас, чтобы вспомнить, надо напрячь память, создать в мозгу электрический импульс, который разбудит бы дремлющие кладовые памяти. А сам процесс вспоминания? В первый момент лицо или предмет, который мы вспоминаем, всплывает в памяти ярко, но не задерживается перед мысленным взором, сейчас же тускнеет, уходит в сторону. Требуется неоднократное повторение импульса, чтобы удержать вызванный образ.

За эту мысль ухватился исследователь. На первых порах Шлезингер не открывал здесь ничего нового. При действии электрическим током на височные доли мозга удалось достигнуть удивительных результатов: люди вспоминали мелодии, слышанные ими в детстве, стихи, забытые, казалось, до последнего слова. Но электрический ток в этих опытах подавался в мозг через электроды. Необычное у Шлезингера было то, что он пытался решить задачу с другого конца: усилить контур магнитного поля и с его помощью, без электродов, усиливать электрические

импульсы мозга.

Трудность была и в другом. В мозгу работают одновременно сотни нервных узлов: одни ведают зрением, другие слухом, третьи дыханием. Каждый центр подает свои импульсы, имеет свое магнитное поле. Если «подслушать» работу мозга, ее можно сравнить с работой завода — с его шумом, гудками, сиренами, где почти невозможно расслышать работу отдельного цеха или станка... Но тут исследователю помогает природа: все нервные центры имеют свою частоту электрических импульсов, свое магнитное поле и потому, не мешая друг другу, уживаются в одной черепной коробке. Удача сопутствовала Шлезингеру. Сравнительно быстро он отыскал нужный магнитный контур и нашел возможность влиять через него на процесс вспоминания.

Окна Института все так же смотрели в ночь: три зеленых квадрата из кабинета директора, четыре светлых — из лаборатории Хейфитца, и прищуренные, продолговатые — комнаты ассистентов под крышей здания. Шлезингер уже не ходил по аллеям, нашел скамью и сидел, откинувшись на ее спинку.

6

Итак, открытие сделано. «Корона» построена. Действие прибора Шлезингер испытал на себе.

Поистине неисповедимы пути под звездами. Шлезингер думал, что ему удастся обострить воспоминания, в лучшем случае — сделать память устойчивой. Но то, что случилось, когда он надел «Корону», ошеломило его, вышибло из круга обычной жизни.

Он вспомнил себя ребенком. И даже не вспомнил и не увидел, а ощутил себя ребенком. С отцом они плыли в лодке. Скрипели весла в уключинах. Но самих весел Шлезингер не видел, он лежал животом на сиденье, ближе к корме, и, опустив руку за борт, ловил и цедил воду сквозь пальцы. Вода была обжигающе холодной, прозрачной и пахла рыбой. Нет, рыбой пахло из лодки. И еще

пахло горькой свежесрезанной ивой. И во рту была горечь, потому что в зубах зажат ивовый прутик. Сбоку от лодки бежали маленькие крутящиеся водовороты. Хорошо в них плескаться брызгами из ладони. Но для этого надо ближе наклониться к воде.

— Не шали, Отто! Шлезингер вздрогнул, услышав голос отца, — он и тогда вздрогнул, в лодке. Но плескаться брызгами было очень забавно, Шлезингер подался к воде.

— Упадешь!..

«Сейчас отец схватит за ногу...» — подумал Шлезингер, потому что лодка качнулась и он почувствовал, что скользит вниз, головой в воду. Тотчас жесткие сильные пальцы коснулись его ноги выше щиколотки. Это было настолько реальным, что Шлезингер не выдержал — снял с головы «Корону».

Несколько минут он сидел, стараясь прийти в себя. Взбудораженный мозг успокаивался не сразу. Перед глазами качалась вода, весло, прижатое течением к борту. Слышался сердитый отцовский бас: «Я тебе говорил!..» Лишь после этого Шлезингер увидел письменный стол, подлокотники кресла, в котором сидел. И еще прошло время, прежде чем он решился опять надеть «Корону».

Теперь он увидел глаза Элизы, такие, какими они были в тот вечер, когда она пришла к нему первый раз.

— Ты любишь меня, Отто? — спрашивала она. — Любишь?..

Шлезингер ждал ее, и теперь, когда она была с ним, любимая и покорная, он ничего не видел, кроме ее глаз, не ощущал, кроме плеч.

— Отто!.. — шептала она.

Ее родители были против их связи. Полгода Элиза и Шлезингер встречались тайком. И вот она ушла из дому, порвала с семьей. Он тогда был студентом Берлинского университета, жил в недорогих меблированных комнатах. Это была их первая ночь.

— Ты любишь меня, Отто?..

Несколько раз, не отрывая «Короны», Шлезингер возвращался к началу

встречи, и все так же Элиза спрашивала:

— Ты любишь меня?..

Было что-то странное, неестественное в повторении чувства, испытанного больше тридцати лет назад: Шлезингер ощущал дыхание Элизы, ее горячие губы. Все это было так близко и с такой болью,— наверно, «Корона» усиливала чувство в несколько раз,— что оно отталкивало и притягивало к себе, как бред курильщика опиума. Шлезингер уже не хотел повторения встречи, не хотел видеть глаз Элизы, а они все вертелись в возбужденном мозгу, как музыкальная фраза на грампластинке, когда сорвется бороздка записи и неуправляемая игла идет по бесконечному кругу:

— Ты любишь?..

Может быть, это жестоко — предложить «Корону» Элизе. Но Шлезингер должен был проверить прибор на ком-то другом.

«Корона» — довольно точное название для детища Шлезингера. Голову охватывает гибкий металлический обруч, концы его сходятся на висках. Отсюда к затылку идут тонкие скобы, замыкают собой футляр для электрической батарейки. На концах обруча плоские коробки магнитов; наверху локатор, который

7

настраивает прибор на магнитный контур; вместе с локатором — усилитель. Внешне «Корона» выглядит эстетически совершенной: легкая, блестящая вещь.

— Что-нибудь вспомни, — сказал Шлезингер Элизе, в будничном безразличном тоне скрывая волнение,— он не хотел тревожить жену, заранее раскрывая секрет «Короны». Фрау Элиза была худощавая, до времени увядшая женщина. Ей исполнилось пятьдесят, но выглядела она старше своих лет. Выдав замуж Матильду, единственную дочь, в которой не чаяла души всю жизнь, фрау Элиза ничего не ждала для себя, так же, как перестала ждать чего-либо от мужа. Отто был неудачником — как слепая молодость, ведь

ее предупреждали родители!.. Кроме Института, работы, Отто ничем не интересовался. А где-то был Рим, венская опера и жизнь, о которой мечталось и которая год за годом прошла бесследно.

— Что же мне вспомнить, Отто?

— Что хочешь,— ответил

Шлезингер.

Может быть, он надеялся, что на чужой волне прибор не сработает? Он пристально смотрел на Элизу.

Ее сухое лицо побледнело, кажется, сделалось еще суше. Морщины умножились, обострились, будто бы на лицо ей легла дурно сделанная вуаль. Шлезингер наблюдал за женой, ему делалось больно: как много — если не все — унесли с собой тридцать лет! Он вспомнил Элизу, какой видел ее вчера, когда на себе испытал «Корону». Боже мой, неужели эта Элиза тянулась к нему: «Ты любишь?..» Он все смотрел на жену. И вдруг лицо ее стало яснеть, что-то забытое пробивалось через вуаль, тронуло губы, ресницы — и тут же ушло в себя, ступавалось в лабиринте морщин. И только глаза... Шлезингер читал в них то же, что вчера вертелось в его мозгу.

— Отто...— шептала Элиза.

Крупные, светлые, удивительно молодые слезы поползли по ее щекам, спустились в уголки губ. Невыносимо было глядеть на них. Элиза страдала. Шлезингер сорвал «Корону» с ее головы.

Батарейка выпала из гнезда и, пока Шлезингер поднимал ее, а потом, сторбившись, шел к двери, Элиза захлебывалась от слез:

— Отто... Это было лучшее в нашей жизни!

В кабинете Шлезингер положил «Корону» на стол. Он почти боялся ее. Прибор уводил его в прошлое. А зачем оно Шлезингеру?.. Элиза могла вспомнить другое. Через месяц после того, как они поженились, нацисты захватили в Германии власть. Молодые люди бежали в Швейцарию. Тайно. В товарном вагоне. Ведь Элиза — еврейка. В Лозанне, чтобы прожить, Шлезингер работал мусорщиком на площади Кальвина. Элиза зарабатывала шитьем.

Ее музыкальные пальцы были исколоты иглами. С тех пор они никогда не легли на струны виолончели... Четырнадцать лет в изгнании!.. Нужно ли было изобретать «Корону», чтобы пережить это снова? Шлезингера сгибает от боли при воспоминании о фартуке мусорщика. Хорошо, что ему помог тогда доктор Верндт... Кто там стучит?

— Папа!..— Матильда открыла дверь.

— Войди! — Шлезингер обернулся навстречу ей.

— Ты чем-то обидел маму? — Дочь обняла его.

— Нет, нет...— Шлезингеру были приятны теплые руки дочери.— Я не хотел ей плохого.

— Это твоя «Корона?» — Матильда взяла со стола «Корону».— Как же с ней обращаться?

Шлезингер сделал попытку отобрать у нее прибор.

— Постой, папа,— она отошла от стола.— Можно надеть?..

Какое-то мгновение Шлезингер колебался. Может быть, молодость оценит все по-другому? «Корона» не принесет ей тяжелых воспоминаний? Человек и изобретатель боролись в Шлезингере: человек был в отчаянии, изобретатель надеялся. Не разрешит ли молодость всех сомнений? Наверно, он отговорил бы Матильду, если б не телефонный звонок.

— Я не буду тебе мешать, папа,— Матильда вышла из комнаты.

8

Звонил Теодор. Шваббе просит обобщенные данные по эксперименту с Икаром за прошлый месяц.

Он пообещал приехать через час.

Эксперимент с Икаром идет под шифром Ик17-67. Испытывается действие на мозг химических компонентов — через воздух и воду. Шлезингеру не нравятся эти опыты, от них пахнет Майданеком. Пока это на обезьяне. Но даже сейчас «пока» несет на себе определенный акцент... Все меньше

становится в Институте чистой науки, все больше прикладных утилитарных задач под шифрами...

От раздумий Шлезингера отвлекло притопывание, прихлопывание, доносившееся из комнаты дочери. «Что-то с Матильдой...» — подумал он, вспомнил «Корону».

Шлезингер встал, быстро вышел из кабинета. Постучал в дверь Матильды. Дочь не ответила, прихлопывание не прекратилось. Шлезингер открыл дверь.

Посреди комнаты, между софой и туалетным столом, топталась Матильда. Глаза ее были закрыты, она походила на заводную игрушку: руки, полусогнутые в локтях, как рычаги, двигались взад, вперед, спина изгибалась, девушка приседала, прихлопывала ладонями. Иногда она оборачивалась на месте, покачивала плечами и опять двигала локтями взад и вперед.

— Матильда!..— позвал Шлезингер, остановясь у порога.

Девушка не ответила. Теперь она сновала ногами в остроносых туфлях, вытянув руки вдоль туловища,— все это молча, ничего не видя перед собой. Прическа ее растрепалась, в волосах поблескивала «Корона».

— Матильда! — Шлезингер подбежал к ней.

Дочь была в полном изнеможении. Она задышалась, на ее висках проступили капельки пота. Шлезингер усадил ее на софу, выпростал из волос «Корону».

— Что с тобой?— спрашивал он Матильду, понимая, что дело в «Короне». Ему хотелось бросить на пол проклятый прибор, растоптать.

— Дочь! — тряс он девушку за плечо.

— Ох!..— вздохнула она, приходя в себя.— Папочка, ты?— Отрешенно, будто внутренне рассмеялась:— Мы танцевали с Тедди. И целовались!..

Шлезингер смотрел на нее: Матильда не была глупой девушкой. Она и сейчас научный сотрудник, имеет две печатные работы.

— Как мы целовались...— тянула она.— Ты мне подаришь «Корону»,

папа?

II.

Шлезингер не мог решить обступивших его вопросов: что такое «Корона»? Что она принесет в наш стремительный мир — счастье или несчастье? Нужно ли, наконец, объявлять об открытии директору Шваббе? Ни домашние, ни Тедди, ни коллега Хейфитц не смогли бы, ему помочь в разрешении этих вопросов. Тедди живет с задранной головой, — ему хоть на ступеньку бы, а подняться. Ради карьеры он не пощадит родного отца. А Хейфитц, наоборот, смотрит на всякого сверху вниз.

Есть только один человек, которому Шлезингер может доверить свои сомнения — доктор Верндт.

Бывший проректор Берлинского университета, четырнадцать лет, как и Шлезингер, проведенный в изгнании, Верндт в Федеративной Республике был не у дел. Ни в Берлинском, ни в Мюнхенском университетах кафедры для него не нашлось. Почему — Верндт понял довольно быстро, и не стал обивать пороги. В конце концов голова у него на плечах, письменный стол и бумага найдутся. Верндт занялся исследовательской работой, печатается в «Шпигеле» и в прогрессивных газетах. Сейчас ему шестьдесят восемь лет, но глаза не потеряли прежнего блеска, а стиль — остроты. Немало в республике есть людей, которых шелест газеты вгоняет в холодный пот: нет ли там статьи, подписанной, Верндтом...

— Слушаю, — коротко сказал он, когда Шлезингер подошел в разговоре к главному.

9

— Не знаю, что делать с «Короной», боюсь ее, — рассказывал Шлезингер. — Три человека испытали ее действие на себе, и она, словно дуксодблзнитель, тянула всех к любовным переживаниям и к безрассудству молодости. Я забирался в прошлое до первых проблесков мысли, видел

предметы перевернутыми, как в фотографической линзе, — такими они видятся новорожденному. И опять я возвращался к встрече с Элизой. Можно тысячу раз родиться, и тысячу раз вернуться к любовной ночи. Не будешь же вспоминать товарный вагон и площадь в Лозанне!.. Это меня и мучает. Ни с каким телевизором тут не сравнишь. «Корона» дает прошлое в ощущениях. Можно стать юным, любимым... А стоит ли, Верндт?.. Тысячи людей с неудавшейся жизнью ринутся в прошлое. Нужно ли давать несчастным утешительный сон, мираж?.. Может быть, сделать «Корону» уделом избранных?.. Вряд ли это удастся. Дельцы размножат изобретение, разменяют на марки, как радиолы и транзисторные приемники.

— Что вы хотите? — спросил Верндт.

Шлезингер не знал, чего хочет.

— У вас могут быть слава, деньги, — продолжал Верндт.

— Слава мне не нужна...

— Вижу, что не нужна, — подтвердил Верндт. — Вас интересует моральный аспект изобретения. К чести вашей будь сказано, мало кто поставил бы вопрос так, как ставите его вы. Я скажу почему. Вы — посредственная натура, Шлезингер. Извините, что так говорю. Я знаю вас долгое время, и это дает мне право на честный разговор между нами... По воспитанию и по образу мысли вы немец, со всеми плюсами и минусами, свойственными немецкой нации. Вы удивительно верно схватили сущность вопроса: что ваше открытие даст обыкновенному человеку? Это — примите мою похвалу — поднимает вас над другими людьми. Дайте-ка мне «Корону»...

Несколько минут Верндт сидел с закрытыми глазами, сосредоточившись. Затем потянулся за пером и бумагой и стал писать. Писал быстро, сменяя один лист за другим. Наконец снял «Корону» и долго глядел на Шлезингера:

— Ничего я вам сейчас не посоветую, Отто, — сказал он. — Придите ко

мне дня через два. «Корону» возьмите. Я не хочу наслаждаться любовными развлечениями...

Эксперимент с Икаром, по мнению Шлезингера, переходил мыслимые границы. Мозг животного давал чудовищные кривые. Непосредственно с обезьяной Шлезингер не работал, он только обобщал данные энцефалограмм. Через Тедди ему было известно, что на Икаре испытывались экстракты из белладонны и ржаной спорыньи. Под влиянием их Икар впадал в ярость или в бессилие, терял память и ориентировку в пространстве. Все это отражалось на импульсах мозга. Таблицы кривых помечались цифрами, а Шлезингер давал заключения: «14. Возбуждение мозга достигло контролируемых пределов», «17. Упадок работы мозговых клеток...».

Отчет, который потребовал Шваббе за месяц, состоял исключительно из активных кривых. Просматривая таблицы в присутствии Шлезингера, Шваббе удовлетворенно мычал:

— М-м... Неплохо. Право, неплохо!..

Шлезингер глядел на его угловатый череп, едва прикрытый жестким армейским ежиком; Шваббе до сих пор сохранял военную выправку, а с подчиненными — солдатскую прямоту.

— Неплохо, Шлезингер, — продолжал он просматривать графики. — Можно переносить опыт на более высшую... э-э... нервную организацию. Что вы на это скажете?

Шлезингер сказать ничего не мог. Шваббе тут же забыл о нем. Пролистав еще несколько графиков, Шваббе с довольным видом провел по листкам ладонью:

— Зер гут, черт побери, зер гут!..

И, увидя, что Шлезингер сидит молча, поднялся из-за стола:

— Можете идти, Шлезингер. Инструкции получите позже!

Шлезингер обязан был доложить

Шваббе антипатичен ему и не ставит Шлезингера ни в грош как работника Института. Причина здесь глубже: Шваббе ненавистен Шлезингеру как бывший эсэсовец, — тут и потеря близких, и годы изгнания, и бесконечное унижение... Передать в руки Шваббе «Корону», — что из этого выйдет?.. Какое-то время — конечно, не бесконечное — изобретение можно скрывать. В Институте о нем не знают. Когда Верндт выскажется определенно, тогда и можно решить, что делать. С тем большим нетерпением Шлезингер ждет второго свидания с Верндтом.

И вот он сидит в его кабинете.

Верндт и сейчас не торопится с разговором. Просматривает листки, исписанные бисерным почерком, ищет в журнале какой-то нужный ему абзац. Шлезингер этим временем вспоминает, как в университете он сдавал Верндту экзамен по философии, получил высший балл и как, поставив отметку в матрикул, Верндт спросил Шлезингера: «Интересуетесь?» А потом, в Лозанне, встретив его с тележкой ассенизатора, окликнул: «Это вы, Шлезингер? Почему вы здесь?..» Они молча и долго шли улицами и переулками города, пока не оказались в лаборатории физиолога Шмида. Верндт отозвал ученого в сторону и сказал, указывая на Шлезингера: «Это такой же, как я, беглец. Ему надо помочь». В лаборатории Шмида и начал путь, который привел Шлезингера к открытию.

— Ждете, что я скажу? — спросил наконец Верндт, оторвавшись от бумаг и журнала. — Сказать я могу одно, Шлезингер: ваше открытие гениально.

Шлезингер вздрогнул — может быть, он ослышался?

— В то же время, — продолжал Верндт, — ваше открытие опасно, как ядерное оружие. Вернее, оно попадет в руки, которые сделают его таким. Будем говорить начистоту, Шлезингер. Мы оба живем в Германии — в ФРГ, — уточнил Верндт, — в стране милитаристов и бюргеров.

Милитарист страшен тем, что открыто рвется в войну. Но бюргер тоже

Шваббе о своем изобретении, но не решался этого сделать. Не потому, что

не менее страшен, ибо он осуществляет замыслы милитариста на деле. Что такое наш бюргер, Шлезингер? В чем его отличительные черты? В сентиментальности и в жестокости. Он способен плакать над дохлой кошкой. Он же способен строить Освенцимы и сдирать кожу с живых людей... Есть у бюргера еще одно качество: он легко дает себя оболванить. С помощью вашей штуки,— Верндт кивнул на «Корону», оболванивание будет поднято до высшего уровня. Она, — Верндт опять кивнул на «Корону», — нагонит на бюргера золотой сон. Будут проходить грозы и катастрофы, бюргера поведут на бойню, дадут сгореть, а он будет любоваться первой любовью и юной Гретхен. У кого были две Гретхен, то и двумя...

— С другой стороны, — продолжал Верндт, — почему я назвал открытие гениальным? Когда вы мне дали «Корону», я вспомнил конспекты своих первых статей. Вы же знаете, все записи прошлых лет, мои книги и дом сожгли наци... Я воспроизвел в памяти эти статьи,— Верндт потянулся к листкам, исписанным мелким почерком. — Это удивительно, Шлезингер: все забытое восстановлено слово в слово... Но это капля по сравнению с тем, что вы предлагаете бюргеру. Помните, я вернул вам «Корону»? Я боюсь ее, Шлезингер. Потому что во мне и в вас, и в каждом из немцев сидит этот проклятый бюргер. Увольте меня, Шлезингер, от вашего изобретения. Увольте! А если хотите проверить действенность моих слов — испытайте «Корону» на ком-нибудь еще. Хотя бы на вашем директоре Шваббе.

В парке все так же гудит и кружится ветер. Но окна в ассистентской погасли. Шлезингер смотрит на часы: две минуты второго. Это отвлекает Шлезингера от разговора с Верндтом. Собственно, Верндт сказал все.

Гаснут окна в лаборатории Хейфитца. Сейчас в Шваббе выключит свет.

Но уезжает Хейфитц. Поговорив на ступеньках, расходятся в разные

стороны ассистенты. А зеленые окна по-прежнему сторожат темноту. Шваббе готовит спектакль с участием Шлезингера.

Ну что ж, Шлезингер не откажется сыграть роль. А пока есть еще время вспомнить, как повернулись события после разговора с Верндтом.

Шлезингеру не пришлось докладывать директору о своем изобретении. Шваббе пришел к нему сам.

— Почему, — спросил он, — я должен узнавать об открытиях сослуживцев из третьих рук?

Шлезингер глядел на директора. Откуда Шваббе узнал об открытии? Матильда... — вспомнил он. Это она рассказала Тедди... Шлезингера кольнуло, что дочь выдала его тайну. Но тут он подумал, что чем больше живешь на свете, тем больше теряешь близких... Даже родная дочь уходит к чужому... А Тедди? Он далеко пойдет!..

— Что же вы — шевелитесь, — полуприказным, полущутливым тоном торопил Шваббе. — Что у вас там?..

Шлезингер достал «Корону» из сейфа.

— Это?.. — спросил Шваббе, принимая «Корону». — Взять и надеть на голову?

— Что-нибудь вспомнить... — сказал Шлезингер.

Шваббе уселся в кресло, нахлобучил на солдатский ежик «Корону». Для его угловатого черепа прибор оказался тесным. Шваббе подвигал обручем, успокоился.

Шваббе сидит перед ним, тайна раскрыта, и многое зависит от того, как Шваббе примет изобретение. Шлезингер понимает, что это решающая минута, в душе его поднимается страх: он никогда не был смелым, он не борец. Жизнь он прожил в зависимости и в подчинении,— обыкновенный бюргер, сказал бы о нем доктор Верндт. Шлезингер и сейчас чувствует приниженность перед Шваббе. Где уж ему набраться смелости...

Шваббе снимает «Корону». Потребует минута, прежде чем он придет в себя. Шлезингер ждет, что скажет

директор. Но даже в бреду ему не пришло бы в голову то, что он услышал от шефа:

— Как он их, русских, из автомата — тах-тах!.. — заговорил Шваббе. — Bravo, оберштурмфюрер Штарке! Я всегда восхищался его решимостью! — Шваббе опять напяливает «Корону» на голову. — Дайте-ка я еще раз взгляну на его лицо...

Через минуту он снимает «Корону»:

— Уф, как он из автомата!..

У Шлезингера ползут по спине мурашки. От холода или от слов эсэсовца Шваббе? Да, да, от холода — ветер...

Наконец погасли окна в кабинете директора.

Шлезингер ждет, пока Шваббе спустится вниз. Вот он выходит, натягивает перчатки: угловатая фигура его четко видна в квадрате освещенной двери. Не торопясь, он спускается по ступенькам, садится в машину. Блеснув огнями, машина уходит. Шлезингер поднимается со скамьи.

Открывает ему швейцар Курт.

— Это вы, господин Шлезингер? — Широкое лицо Курта от улыбки кажется еще шире. — Поздно вы сегодня, господин Шлезингер. И какая ночь — холод, ветер...

Швейцар питает к Шлезингеру привязанность. Может быть, потому, что Шлезингер, не в пример другим сотрудникам Института, прост со стариком и приветлив. Он и сейчас отвечает Веинеру:

— Собачья ночь, Курт. Никому бы я не пожелал быть в пути...

— Вы озябли, господин Шлезингер? Я приготовлю кофе...

— Спасибо...

— А у нас несчастье, господин Шлезингер. Скончался Икар.

— Икар?..

— В десятом часу. Уж как господин Шваббе разносил лаборантов!

Старик поднимается со Шлезингером по лестнице.

— Лаборанты ушли совсем расстроенными. Палески даже сказал:

«Уйду к черту из Института...» Простите за грубое слово. Но он так и сказал.

У двери кабинета Курт поворачивает назад:

— Кофе будет сейчас, господин Шлезингер.

Гибель орангутанга не такая уж неожиданность. Шлезингер взглянул на последние энцефалограммы, лежавшие на столе. Бешеные кривые говорили о дегенерации мозговых клеток. Лаборанты здесь ни при чем. Шваббе это известно. Причина разноса в другом: Икара надо заменить кем-то другим, а кандидата с «высшей нервной организацией» пока нет.

Шлезингер открывает сейф, достает «Корону», расчеты, чертежи. К докладу надо готовиться.

— В общем, неплохо! — оценил Шваббе любимым словечком «Корону» после того, как свидетель в прошлом с идеальным оберштурм-фюрером Штарке. — Поздравляю вас, Шлезингер!

Больше всего в ту минуту Шлезингер боялся, что Шваббе пожмет ему руку. Но Шваббе не протянул руки. Для него Шлезингер был только младшим сотрудником, ничтожеством, которому чудо свалилось в руки неожиданно-негаданно.

— Поздравляю, — говорил он. — И так можно вспомнить все, Шлезингер, — юность, пирушки, женщин?..

Шлезингер не отвечал. Он был парализован страданием. Вот он, ответ Хельмута Верндта: если открытие попадет в руки таких чудовищ...

А Шваббе не ждал от него ответа. Он опять напялил «Корону» и, словно терзая Шлезингера, мычал, хохотал, скрипел зубами, предаваясь воспоминаниям.

Когда Шваббе очнулся, участь «Короны» была решена ими обоими.

— Сегодня четверг, — сказал Шваббе. — В субботу ученое заседание. Подготовьте доклад. Будут приглашенные. Будут шефы. Я представлю вас. Вы сделаете доклад и демонстрации. Чтобы все — как на плац-параде.

В дверь постучали:

— Можно, господин Шлезингер?

— Войдите.

— Вот кофе. — Курт ставит на стол блестящий кофейник, стакан. — Приятной работы, господин Шлезингер.

Возле двери Шлезингер останавливает швейцара:

— Курт, растопите камин.

Старик застигнут врасплох: он не помнит, когда в Институте последний раз топили камин. Что скажет директор?.. Но господин Шлезингер ждет, господин Шлезингер просит... Не этот ли сутулый, всегда занятый человек находил время здороваться с ним, Куртом Вейнером, спрашивал о семье, о внуках?.. В конце концов, растопить камин — пустячное дело. Старик соглашается.

— Для вас, господин Шлезингер. Ночь такая холодная...

— И побольше дров, — просит Шлезингер. — Побольше дров, Курт.

Конференц-зал Института жужжал благопристойно, изящно, как полагается высокому интеллектуальному сборищу. Слово сборище — не от авторского каприза: так думает Шлезингер. Он сегодня поставлен в положение именинника и, как именинник, имеет право на некоторую вольность.

Дамы с веерами и декольте, респектабельные мужчины с орденскими колодками на груди, кое-кто из тщеславных открыто при ордене; там и тут блещет золото генеральских погон.

Собрание еще не открылось. Но совет Института в президиуме. Тут же и Шлезингер. Сидит в заднем ряду. Шваббе приглашал его в первый, но Шлезингер сослался на непривычку сидеть в первых рядах. Шлезингер в черном костюме, руки у него холодны.

Зал вежливо ждет. Блещет вставными зубами. Блещет дорогими камнями. Но к чему здесь погоны? Шефы с женами — это понятно. Но почему строгий колер костюмов там и тут обесцвечен мшистым хаки?.. Зал полон шепотов, полон глаз. Кто этот Шлезингер? Ах, в заднем ряду!.. Обыкновенный мужчина... Говорят, научный сотрудник.

Даже не доктор... А ведь ему за пятьдесят!.. Шлезингер чувствует, что о нем говорят именно так.

Наконец Шваббе всходит на кафедру.

— Дамы и господа! — начинает он. — Сегодня наш Институт демонстрирует замечательное открытие.

Шваббе ораторствует. Он блещет, он мил, как ангел, бывший майор СС. Он сумеет приподнести шефам сюрприз.

— Коллега Шлезингер, — продолжает он, — слава и гордость нашего Института...

Как все это дешево — бриллианты, карьеры, — когда переживаешь критический час своей жизни. Хочется побыть одному, вспомнить, как прожил свои пятьдесят три года, где был добр, а где подл, сказать самому себе, не лукавя и не таясь, кто ты. Но даже в этот единственный час такие, как Шваббе, не дадут побыть тем, что ты есть.

— Открытие Шлезингера... — грохочет с кафедры Шваббе.

А времени остается — считанные минуты. Матильда рассказала Тедди о «Короне» отца. Тедди рассказал Палески. Палески — Хейфитцу.

Хейфитц — директору. «А что, у тебя неприятности, папочка?..» — Матильда пришла попросить «Корону». Ей нравится вспоминать, как они целовались с Тедди. Но зачем думать о пустяках?..

— Кого не прельстит увидеть себя молодым и красивым?.. — спрашивает у зала Шваббе.

Он уверен, такая перспектива увлечет каждого. Зал вежливо рукоплещет. Генералы что-то записывают в блокноты.

— Вечную любовь, — продолжает Шваббе, — золотые сны человечества — вот что дает нам изобретение коллеги Шлезингера.

А перед глазами изобретателя — пламя. Хороших дров принес для камина Вейнер. Даже металлический обруч сгорел на углях.

— Слава изобретателю! — провозглашает Шваббе.

В треске аплодисментов никто не

расслышал выстрела. Человек в заднем ряду, клонясь головой вперед, сползает со стула. Ему не нужна слава, не нужен гром аплодисментов, он предпочел унести с собой тайну «Короны» и золотые сны человечества.